

ПУТЬ ДАВИДА (МАРАТА) ДЕ БУДРИ:

От частного воспитателя до преподавателя Царскосельского лицея

Среди иностранных воспитателей, приехавших в Россию в XVIII–XIX вв., особый интерес вызывает личность педагога, известного в России под именем Давида де Будри, которого, однако, при рождении звали Давидом Мара. Он был одним из братьев Жана-Поля Марата (1743–1793), врача, революционного журналиста и депутата Национального конвента.

Детство и учеба

Давид Мара(т), ставший Давидом де Будри, родился в 1756 г. в Швейцарии, в княжестве Невшатель, находившемся тогда под властью Пруссии. Его крестили 21 февраля, и крестным отцом у него был Давид Югенен, государственный советник и канцлер, а крестной матерью – Юдит Эстер Сандоз¹.

Его отец, Жан Мара (1704–1783), родился в Кальяри на острове Сардиния. Став священником, он получил известность как педагог и основал в Боно, в центре острова, первую школу по изучению латинского языка и изящной словесности. Однако эта школа Хуана Сальвадора Мара (официальным языком на Сардинии был испанский, отсюда – испанское произношение имени) была обложена чрезмерными налогами. Отказ их платить привел к угрозам в адрес ее создателя, которые заставили его в 1740 г. переехать в Женеву. Там Жан Мара принял кальвинизм и, благодаря своей образованности, быстро получил статус *прозелита* (католика, обращенного в кальвинизм), а затем *жителя*. Не оставляя деятельности воспитателя, он одновременно нашел применение своим способностям к рисованию и хорошему пониманию цветовой гаммы и стал зарабатывать на жизнь нанесением набивного рисунка на ситцевые ткани. В Швейцарии тогда бурно развивалось

---

* Шарлотта Гёц, президент ассоциации POLE NORD (Брюссель).

¹ Archives de la Ville de Neuchâtel. État civil, registre des baptêmes 21. II. 1756. P. 462.

производство хлопчатобумажных тканей с изображением растений и животных по индийским мотивам.

19 марта 1741 г. Ж. Мара женился на Луизе Каброль, уроженке Женевы. Ее семья протестантского вероисповедания, из местечка Кастр во Франции², была вынуждена эмигрировать в Швейцарию. От этого брака родилось девять детей. Давид Мара был пятым сыном после Жана-Поля, Анри, Пьера и Пьера Антуана Жана.

Как и старший брат, Давид Мара (в то время фамилия всех членов семьи писалась без буквы «т» на конце) учился в коллеже Невшателя, а когда семья 15 июня 1773 г.³ переехала в Женеву, записался на отделение изящной словесности в Академию. В 1775 г. он начал изучать философию, а в 1777 г. – богословие. Его отец с гордостью общался о научной карьере сына в переписке с Фредериком-Самюэлем Остервальдом, директором Типографского общества Невшателя⁴.

Граждане Женевы и иностранцы

Семья Мара долгое время жила в княжестве Невшатель, а именно в Будри, чем объясняется тот факт, что название этого местечка было взято Давидом в качестве фамилии, когда он приехал в Россию, хотя оно и не было местом его рождения. В 1768 г. семья Мара переехала в Женеву в надежде найти там больше стабильности и перспектив на будущее, чем в Невшателе, где социальные конфликты и отъезд покровительствовавшего ей наместника Джорджа Кейта⁵ сделали ее положение неустойчивым.

В апреле 1781 г., когда Давиду исполнилось 25 лет, патриции, управлявшие Женевской республикой, поставили вопрос о пересмотре так называемого *Благотельного эдикта*, принятого в свое время для улучшения статуса «уроженцев»⁶. Пересмотр мог непосредственно

² Отец Луизы, Луи Каброль, был крещен в реформатской церкви в Плате де Кастр 25 октября 1687 г. Будучи протестантом, он эмигрировал в Женеву, где 15 октября 1723 г. получил статус «поселенца». Там же 24 октября 1723 г. он заключил брак с Полиной-Катрин Молинье, семья которой была также родом из Кастра.

³ Archives de l'Académie de Genève. Livre du Recteur. Étudiants de l'Académie de 1559 à 1859. P. 266.

⁴ Ж. Мара – Ф.-С. Остервальду, 15 ноября 1775 г. Archives de la Société Typographique de Neuchâtel à la Bibliothèque publique et universitaire de Neuchâtel. Ms 1178. F. 316–317.

⁵ Джордж Кейт (1686–1778), более известный под именем Милорд Маршал. Граф-маршал Шотландии, он был изгнан из страны за поддержку Стюартов. До 1733 г. пребывал в Испании, в 1754–1765 гг. находился на службе у короля Пруссии Фридриха II в качестве наместника княжества Невшатель. Он оказывал протекцию Ж.-Ж. Руссо и поддерживал семью Мара. Его брат, Джеймс Кейт, носил генеральское звание на службе в России вплоть до 1747 года, после чего перешел на службу к Фридриху II и стал бургомистром Берлина.

⁶ Население Женевы делилось на 4 класса: «граждане» (Citoyens), «буржуа» (Bourgeois), «уроженцы» (Natifs) и «жители» (Habitants). «Уроженцы» получали так называемые «полез-

коснуться Давида, «уроженца» в третьем поколении. Город вступил в полосу конфликтов. Девятьсот граждан потребовали соблюдать положения эдикта, но Малый городской совет решил придерживаться *Уложения о посредничестве* 1738 г. Первые столкновения произошли 8 апреля 1781 г. Для гарантии общественного спокойствия была создана «Комиссия по безопасности». Но ситуация ухудшилась во Фрибурге, и Генеральный совет Женевы начал искать пути к умиротворению.

После переезда в Женеву Ж. Мара выполнял различные поручения Типографского общества Невшателя, занимаясь переводами, наймом рабочих и прочими делами. В одном из писем Остервальду он с сожалением писал о неустойчивом политическом климате, царящем в Женевской республике⁷.

Через пять дней после отправки этого письма Городской совет Женевы принял решение об отказе от *Благодетельного эдикта*. На этот раз волнения вышли из-под контроля лидеров «уроженцев», которые попытались восстановить спокойствие. В адвокатской конторе Гренюс состоялась согласительная встреча. Она имела определенное значение для истории семьи, поскольку присутствие на ней одного из сыновей Мара отмечено в протоколе. Ни в одном документе не указано определенно⁸ его имя, но списки голосовавших указывают на Давида. Поддержанные значительным числом «буржуа», «уроженцы» собрали вооруженное ополчение. Начались столкновения. Появились раненые. Конфликт между «уроженцами» и патрициями обострился, и патриции призвали на помощь своих традиционных союзников – города Берн и Цюрих, а также Францию и Сардинское королевство. Патриции были взяты в заложники. Женевцы пытались избежать наихудшего развития событий, но Берн предъявил ультиматум, потребовав освобождения заложников и открытия городских ворот. Ультиматум был отвергнут. 28 июня французские и сардинские войска разбили свой лагерь под стенами Женевы, и генералы объявили о предстоящем наступлении на город, если женеvцы не освободят немедленно патрициев. Город капитулировал. Заложники вышли на свободу.

На Женеву обрушились репрессии, лишившие молодого богослова Давида Марата (к этому времени он добавил букву «т» к сво-

---

ные права», офицерские посты в городском ополчении и даже, если обладали постоянной профессией, могли получить в третьем поколении статус «буржуа».

⁷ Ж. Мара – Ф.-С. Остервальду, 2 апреля 1782 г. Archives de la Société typographique de Neuchâtel à la Bibliothèque publique et universitaire de Neuchâtel. Lettre de Jean Mara à F.-S. Osterwald du 2 avril 1782. Ms 1240/5. F. 5–6.

⁸ Путаница между сыновьями Мара возникала часто. Некоторые авторы утверждали, например, что преподавателем в России стал Анри.

ей фамилии) надежды на получение пасторского прихода. С помощью Ф.-С. Остервальда он еще попытался получить место проповедника в княжестве Невшатель⁹. Но 26 апреля 1782 г. умерла его мать, Луиза Каброль, и Давид поспешил с поиском места, чтобы не зависеть больше от отца, который, как он писал, «и так слишком многим пожертвовал ради детей». 11 сентября 1782 г. он просил о допуске к пасторскому экзамену, но безуспешно. Вскоре семью постигло новое несчастье: Жан Мара лишь на несколько месяцев пережил супругу и скончался от лихорадки 26 января 1783 г.¹⁰

Воспитатель в семье Салтыковых

Неизвестно, как Давиду поступило предложение стать воспитателем в России. В материалах выставки о швейцарцах в России, организованной в 2006 г. в Лозанне, отмечалась точность и надежность учителей из Швейцарии. Русские дворяне ценили их хорошее знание иностранных языков и кальвинистскую строгость¹¹. Еще за два года до Давида Марата в Санкт-Петербург приехал уроженец швейцарского кантона Во, Фредерик Цезарь Лагарп, который с 1782 по 1795 г. был воспитателем великих князей Александра и Константина.

В июле 2001 г. Е.А. Савельева, хранитель отдела редкой книги Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, указала нам на существование в фондах библиотеки книги «Букварь» (1627), принадлежавшей Давиду Марату. На форзаце можно разобрать две надписи, сделанные по-русски: *Марат 1782* и *де Будри*. Второй частью произведения является «Грамматика» Мелетия Смотрицкого – первая систематическая русская грамматика, напечатанная в 1619 г. Пометки Давида сделаны на нескольких страницах. Он переводит некоторые слова, находит латинские эквиваленты специфических терминов спряжения русских глаголов. Улаживая перед отъездом дела в Швейцарии, он стремился пополнить свои знания, изучая русскую грамматику.

В 1784 г. Давид прибыл в Санкт-Петербург, дабы принять должность воспитателя детей обер-камергера Василия Петровича Салтыкова¹². Эту информацию мы находим в его некрологе¹³, у Д. Кобеко,

⁹ Д. Мара – Ф.-С. Остервальду, 28 июля 1782 г. Archives de la Société typographique de Neuchâtel à la Bibliothèque publique et universitaire de Neuchâtel. Ms 1178. F. 295.

¹⁰ Archives de Genève, Registre des décès, Vol. 1780 à 1786. P. 171.

¹¹ Из речи на открытии выставки ее куратора, Александры Кауровой.

¹² Обер-камергер В.П. Салтыков женился 7 июня 1777 г. на княгине Евдокии Михайловне Белосельской, фрейлине великой княгини Натальи Алексеевны, первой жены великого князя Павла Петровича, а затем – фрейлине Екатерины II. – Белосельский М.А., Белосельская Н.Г., Белосельская Н.М. Дневник Белосельских – Строгановых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2005. Т. 14. С. 71–90.

¹³ [Некролог] // Благонамеренный, 1821, 17–18. С. 323.

который в 1911 г. посвятил одну из глав своей книги воспитателям Царскосельского лицея¹⁴ и у Ф.Я. Мирковича, одного из более поздних воспитанников Будри. Об этом также упоминает в своих мемуарах Массон, уточняя, что Давид жил в семье Салтыковых до 1795 г.¹⁵ Дети Василия Петровича Салтыкова – Сергей и Михаил – родились соответственно 21 апреля 1778 г. и 27 апреля 1779 г. Когда Давид Марат вступил в должность, им было 6 и 5 лет, а когда в 1795 г. ее оставил – 17 и 16. До этого года Давид жил в их семье, одновременно ведя занятия в других семьях и образовательных пансионах, поскольку его качества педагога привлекали к нему многочисленных учеников¹⁶.

29 декабря 1792 г. Давид женился. В католической церкви св. Екатерины Александрийской он обвенчался с родившейся в Париже Марией Тимофеевой, дочерью уроженца Москвы, капитана Лабкова, к этому времени уже умершего, и Марии Дюнефур, уроженки Брюсселя. Свидетелями у них были владетель известного петербургского трактира Филипп Демут, Андре Денуайе и Даниил Журлов. 24 марта 1794 г. от этого брака родилась дочь Мария¹⁷.

В 1793 г., когда в Париж погиб его брат Жан-Поль, которого он любил и уважал, Давиду исполнилось 36 лет. Он еще не работал ни в одном официальном образовательном учреждении. Готовясь стать отцом, он подал прошение разрешить ему принять имя Давида Ивановича де Будри. Эта милость была ему оказана на основании **«высочайшего разрешения»**. В воспоминаниях Куницына говорится о недоумениях, связанных с этой переменной фамилии:

Удивило меня также, что название его родного города схоже с его фамилиею, о чем я и сказал. Тут Давид Иванович посмотрел на меня с удивлением и спросил, «не принимаю ли я его за дворянина по титулу». Я смешался, ибо, конечно, принимал, но не столько по фамилии, сколько по парикю. Увидев в моих чертах некоторый вопрос, старик объяснил, что фамильное его прозвище «de Boudri» означает только: «из Будри» и потому схоже с названием его родины. Я все более недоумевал. Наконец Давид Иванович, видя это, неохотно проворчал, что подлинную фамилию его считают здесь неудобной, ибо она: Марат¹⁸.

¹⁴ Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911.

¹⁵ Masson de Blamont Ch.-F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. P., 1800–1802. Т. 2. P. 177–178.

¹⁶ Любавин М.А. Лицейские учителя Пушкина и их книги: биография отдельного лица. СПб., 1997. С. 110.

¹⁷ Послужной список преподавателя 7-го класса французской литературы Шевалье де Будри – Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4(1819). Д. 86. П. Л. 13–17.

¹⁸ Цит. по: *Tytianov I. La jeunesse de Pouchkine*, P., 1980. P. 293 (Тынянов Ю.Н. Пушкин)

Весьма вероятно, что Давид де Будри посещал также дом другого Салтыкова – Николая Ивановича, доверенного лица императрицы Екатерины, которому она поручила надзор за воспитанием своих внуков Александра и Константина, желая сохранить над ними контроль. Вероятно, через его посредничество Будри вошел в контакт с матерью царевичей Марией Федоровной, супругой будущего императора Павла I, которая оказала значительное влияние на его дальнейшую преподавательскую карьеру. В числе его учеников был также молодой Николай Гончаров, будущий тесть А.С. Пушкина.

Пауза в карьере преподавателя

После нескольких лет занимавшей его целиком деятельности воспитателя и перед тем, как продолжить карьеру в 1803 г. в государственных учебных заведениях, Давид попытался изменить свою судьбу и купил у Гончаровых мануфактуру по производству тканей. Таким образом, он обратился к деятельности, которая была традиционной в семье его матери¹⁹. В письме 1821 г. он так рассказывает об этом эпизоде:

<...> вы, возможно, не знаете, что снабжавшая Петербург мануфактура дорогой обивки и сукна, шитого золотом и серебром, принадлежала мне совместно с покойным г-ном Пишо, и что мы доставили рабочих из Лиона, которые довели бы ее производство до совершенства, если бы Его Величество император Павел I не посчитал вдруг уместным отменить шитые золотом и серебром парадные платья для дам и дать всем высшим чиновникам Империи расшитые суконные мундиры. Как видите, этот указ непосредственно коснулся нашей фабрики таким образом, что Пишо умер в нищете, а я за короткое время потерял все то небольшое состояние, которое накопил за шестнадцать лет неустанных трудов по воспитанию юношества²⁰.

После банкротства мануфактуры по производству шитых золотом и серебром тканей Давид обратился к императрице Марии Федоровне с прошением о получении места преподавателя в одном из многочисленных образовательных учреждений, которые она взяла под свою опеку. Императрица уже не довольствовалась одним Смольным институтом и основала в Санкт-Петербурге институт св. Екатерины Александрийской. Она также одна из первых организовала обучение детей-инвалидов, слепых и глухонемых детей²¹.

¹⁹ *Goëtz Ch. Marat en famille – La Saga des Mara(t). Bruxelles, 2001. P. 69–75.*

²⁰ Центральный Государственный Исторический Архив в Санкт-Петербурге (ЦГИА). Ф. 2. Оп. 1.

²¹ *Martin M. Maria Feodorovna 1759-1828 en son temps. Contribution à l'histoire de la Russie et de l'Europe. P., 2004.*

Осенью 1802 г. Давид искал себе жилье в Санкт-Петербурге. Семья Миркович выставила квартиру для сдачи внаем. Давид осмотрел ее и заключил договор, обязавшись в качестве арендной платы быть воспитателем молодых Мирковичей, в том числе Федора Яковлевича, будущего генерала, сенатора и генерал-губернатора Вильны.

29 августа 1802 г. родилась вторая дочь Давида – Олимпиада. Тот факт, что ее матерью на сей раз была Анна Семенова, дочь переводчика с восточных языков Килимчина, показывает, что за семь лет в личной жизни Давида произошли серьезные изменения. Умерла ли Мария Тимофеева? Расстались ли они? Об этом архивы пока молчат. Но изменение профессионального статуса и появление на свет второго ребенка объясняют переезд Давида на новую квартиру осенью 1803 г.

Продолжая свою практику частного воспитателя (Давид служил наставником братьев Миркович до 1805 г.), он в 1803 г. принял пост преподавателя в институте св. Екатерины Александрийской, а в 1806 г. – в Санкт-Петербургской губернской гимназии. По рекомендации вдовствующей императрицы Марии Федоровны он в 1803 г. получил ранг преподавателя 9-го класса, заняв таким образом соответствующее место в чиновной иерархии. В 1806 г., после выхода императорского указа, требовавшего натурализации живших в России французов и швейцарцев, он принес присягу в церкви Санкт-Петербургского сената и получил «вечное российское гражданство». Его положение в российском обществе стало более прочным. Давиду удалось то, чего его отец не смог добиться в Швейцарии: поступить на службу в государственное учреждение.

Швейцарский грамматист в Царском Селе

Первый набор учащихся знаменитого Царскосельского лицея, в числе которых находился и Пушкин, состоялся в 1811 г. 27 июня того же года господина де Будри, ставшего чиновником 7-го ранга, перевели из Гимназии в Лицей на должность преподавателя.

Давиду Ивановичу де Будри было 55 лет, когда он занял пост преподавателя французского языка и литературы в этом престижном учебном заведении. Хотя он и оставил место в Гимназии, но продолжал до конца жизни преподавать в институте св. Екатерины Александрийской, к которому был очень привязан, и где с 1817 г. училась его дочь Олимпиада.

Он также довел до логического конца проект, который давно его занимал, – составление французской грамматики для русской

молодежи²². Благосклонный отзыв цензора Цона от 19 августа 1810 г. вместе с рукописным текстом грамматики были представлены министру народного просвещения графу Разумовскому. Министр передал текст на изучение научному комитету, и 28 сентября 1810 г. натуралист Н.Я. Озерецковский и математик Н.И. Фусс представили отчет²³.

В одном из экземпляров можно прочесть рукописное замечание, сделанное на чистой странице возле переплета рукою Будри, где он резюмирует на французском мнение людей, изучивших его труд:

План этой грамматики естественный и простой. Ее правила написаны с немалым здравым смыслом и выведены из истинных основ французского языка. Эти правила объясняются поучительными, полезными и хорошо подобранными примерами. Отличие этой грамматики от других заключается в том, что всем изменениям даны, как правило, веские обоснования.

Повсюду можно констатировать, что автор проанализировал силу и особые (отличительные) черты французского языка как человек хорошо его знающий в его отношениях с другими языками, в особенности с русским, каковой он знает основательно. Вследствие этого, после необходимых исправлений, вызванных рассеянностью и спешкой, с которой эта работа выполнялась, она может быть опубликована²⁴.

В отчете присутствуют некоторые критические замечания, на которые, по принятому обычаю, де Будри имел право ответить, что он и сделал с характерной для него прямоотой, отметив свое **согласие в некоторых местах** и твердо отстаивая свою точку зрения в других. После этого его работа была рекомендована к изданию.

Две части грамматики были отпечатаны в типографии Сената, но похоже, что большую долю расходов оплатил сам де Будри²⁵. В каждой части на левой странице разворота помещен русский, а на правой – соответствующий французский текст. Каждая **часть снабжена грамматическими таблицами**. Более трети второй части представлено в виде вопросов и ответов, которые могут служить контрольным тестом.

Речь идет об очень активной педагогике, в которой, следуя

---

²² Premiers principes de la langue françoise ou nouvelle grammaire. A l'usage de la jeunesse russe avec diverses remarques sur le rapport des deux langues, agréée par le Ministère de l'Instruction publique et adoptée à l'Institut pédagogique, au gymnase du gouvernement de St Pétersbourg et dans d'autres maisons d'éducation par D. de Boudri, Professeur au lycée impérial et à l'Institut des Dllles nobles de l'ordre de Ste Catherine. St Pétersbourg: L'imprimerie du Sénat-dirigeant, 1811–1812. Т. 1 (1811). 188 р., Т. 2 (1812). 139 р. Русское название: Первые основания французского языка, или, Новая грамматика в пользу российского юношества с присовокуплением разных примечаний на отношение обоих языков.

²³ *Любавин М.А.* Указ. соч. С. 114.

²⁴ Российская национальная библиотека. №:18.78.5.55.

²⁵ В 1816 г. Лицей приобрел экземпляры этой книги у самого де Будри, который, очевидно, был владельцем всего тиража. – *Любавин М.А.* Указ. соч. С. 115.

Ж.-Ж.Руссо, ученика помещают в определенную ситуацию. Сначала используются такие приемы как размышление над примерами и определение. Возьмем хотя бы пример Оглавления, достаточно ясно показывающий стиль книги. Оглавление представлено в виде вопросов о частях речи, рассматриваемых в работе на весьма красноречивых примерах. В первой части задаются вопросы по главам: *О частях речи, О существительных, Об артикле, О местоимениях, О прилагательных, О глаголах, О предлогах, О наречиях, О союзах, Об аналитическом порядке.* Вопросы уточняют многие детали и придают живой вид языку, например: Что вы замечаете, когда местоимения *lui, elle, eux, elles* сопровождаются предлогами? Что вы назовете *Качественным прилагательным*? Используете ли вы множественное число с прилагательным *chaque*? Влияет ли на значение *Прилагательных* место во фразе, которое они занимают? Или еще: что вы называете глагольным *Временем*? Что утверждает *Неопределенное прошедшее время*?

Вторая часть Оглавления объявляет о предстоящем рассмотрении *Умственных операций, относящихся к языку.* Подзаголовки носят следующие названия: *О предложениях, О периоде и о порядке, Об аналитическом порядке, Об обратном порядке, О пунктуации.* Среди первых же вопросов мы обнаруживаем следующие: Когда разум *познает*? Какие *существа* могут стать *предметами* наших мыслей? Нужно ли отнести к их числу *абстрактные понятия*? Какие слова могут служить *подлежащим* предложения? Какое предложение называется *главным*? Какое предложение называется *придаточным*? Какое называется *вводным*? Что называется *доводом*? Или: Где ставятся *Вопросительные наречия*? И где они ставятся, когда не служат для вопроса? Когда используется *Запятая*? И т.д. и т.п.

Де Будри, несомненно, использовал свой учебник для занятий с лицейским выпуском Пушкина, но, как считает Любавин, совсем немного, поскольку лицеисты этого выпуска уже и без того хорошо владели французским языком²⁶. Он пользовался им также в Благородном пансионе – учреждении, связанном с Лицеем, куда в 1814 г. был назначен преподавателем литературы.

В 1815 г. учебник грамматики получил официальное признание. Будри выразил желание иметь 21 экземпляр для новых учеников. Процесс приобретения был не лишен комизма: Будри как преподаватель Лицея сделал соответствующий запрос на Собрании преподавательского состава и получил согласие министра; после этого Собрание

²⁶ Там же. С. 114.

наделило хозяйственную службу Лицея полномочиями на приобретение книги у самого автора-издателя... Будри, получившего от продажи 77 рублей 70 копеек.

В учебнике не было официального посвящения императору, но, находясь под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны, автор получил в награду перстень с бриллиантом. В некрологе Давида упоминается, что «За великое прилежание в своей профессии он [Будри] был неоднократно отмечен...». В 1806 г. он получил от Марии Федоровны табакерку; в 1814 г. императорским рескриптом ему был присвоен орден св. Владимира 4 степени за преданность преподавательской деятельности в Институте св. Марии Александрийской; в 1815 г. перстень с бриллиантом был пожалован ему вдовствующей императрицей за заботы по подготовке молодых дворянских девушек к государственному экзамену; в 1817 г. ему была вручена еще одна табакерка, а немного позже де Будри стал кавалером ордена св. Анны 2 ст. В 1819 г. он получил звание коллежского асессора.

После пушкинского выпуска, в 1818 г., Будри подготовил новый учебник (73 стр.) под названием «Краткий курс французской грамматики», где проводил параллели между русскими и французскими текстами. 10 января 1819 г. цензор Цон одобрил новый учебник, который автор напечатал в типографии Йоханнесова. Значительную часть тиража Будри вновь продал Институту и Лицею.

В 1820 г. Будри задумал посвятить «Краткий курс» императору. Он написал министру народного образования, после чего была начата официальная процедура. В научный комитет Главного правления училищ был сделан запрос, и 13 марта 1820 г. Д.П. Рунич, член Главного правления училищ и попечитель Санкт-Петербургского округа, изучил эту работу. По его мнению, учебник предлагал очень эффективный метод изучения французского языка. Ясность изложения и обоснованное использование переводов на русский делали его доступным даже в младших классах. Однако, поскольку учебник содержал опечатки, 7 августа 1820 г. научный комитет Главного управления училищ решил, что «Краткий курс» не отвечает необходимым требованиям для представления императору²⁷. Таким образом, Будри не получил за свою последнюю работу традиционного вознаграждения от царственной особы. Эта неудача несколько не умаляет достоинств его учебников, которыми с успехом пользовались еще многие годы.

²⁷ Там же. С. 116–117.

Конец жизненного пути

В своем «Дневнике» Александр Куницын рассказывает о том, как Давид вспоминал о своей семье:

Старик прихлебывал вино с видом знатока: любимый его напиток в молодости было вино фронтиниак, которого он уже двадцать лет не пробовал. Постепенно он как бы помолодел. И стал вспоминать свою семью. Отец его был сардинец, сказал он, а мать швейцарка. Он ничего не знает об участи любимой сестры Альбертины. На стенке висит портрет ее, рисованный неумелой рукою.

– Я изобразил черты ее по памяти, – сказал мне г. де Будри.

Лицо сестры художавое, а глаза большие и черные: впрочем, рисовальщик г. де Будри плохой. Рамки делает также он сам: рамка хороша.

Рядом другой такой же портрет человека немолодого, со стриженной головой, глаза как угольки и улыбка беглая.

Это мой брат, – сказал г. де Будри. – Он был великий человек.

Далее он рассказал мне, что брат его был знаменитый врач, который издал трактат об ужасных болезнях сифилитических. Более всего он был враг корысти и заслужил ненависть медиков тем, что требовал объявления во всеуслышание всех медицинских секретов, которые лекари скрывали от человечества, наживая на несчастных больных состоянии. Мысль эта была нова, и я стал расспрашивать Давида Ивановича о трудах его ученого брата. Старик заметно смягчился: видно было, что старое честолюбие взвыгло в нем. Он гордился братом. Брат его, сказал он, был высокий ум; его изыскание о природе электрического огня могло бы принести великую пользу, если бы Французская академия не восстала противу его. Брат его стал жертвою салонных ученых, избивших великого мужа на заседании. Его поносил и Вольтер, и лишь Дидро признал его достоинство. Вообще жизнь его брата была полна несчастий и бурь. При покойной императрице приглашали было его на службу в Россию – воспитывать младое поколение, но он отказался. Давид Иванович очень сожалел об этом. «Мы могли бы жить в одном городе, под одним небом», – сказал он, попивая вино.

<...> Я невольно взглянул на пустой стул, стоявший у круглого стола рядом с пригожею хозяйкой, и, вообразив на нем Марата – в Петербурге, в гостях у брата, вздрогнул. Старик косо на меня посматривал и молчал, как кажется, жалея, что некстати предался своим воспоминаниям. Он, видимо, не ожидал столь сильного действия своих рассказов и насутился. Более ни слова не было сказано за обедом, и я, еле дождавшись конца его, наконец убрался, не чувствуя ног под собою²⁸.

Хотя Будри неплохо интегрировался в профессорскую среду, он остался небогат. Условия его жизни всецело зависели от вознаграждения за преподавательский труд. Силы его с годами иссякали, и, опасаясь, что при отсутствии постоянного дохода он не сможет оказать

²⁸ Цит. по: *Tymianov I. La jeunesse de Pouchkine. P. 292–293.*

должной поддержки детям в их будущем, Будри решился поставить вопрос об этом перед своим начальством. Благодаря этому до нас дошло волнующее письмо от 11 июня 1821 г., написанное им по-французски директору Благородного пансиона за три месяца до смерти:

Милостивый Государь и дорогой Коллега, После десяти месяцев бесконечных страданий, находясь в полном изнеможении, не имея, ввиду отсутствия должного отдыха, возможности прибегнуть к помощи медицины, я вынужден, хотя и с опозданием, серьезно заняться своим здоровьем, если не хочу лишить своих детей единственной поддержки, которая остается им в этом мире. <...> Я ожидаю свойственного Вам сочувствия с тем, чтобы Вы стали моим ходатаем перед Ее Превосходительством, дабы расположить Ее обратиться благосклонный взгляд на тягостное мое положение. Ей небезызвестно, что мне более 65 лет и что 37 из них я уже посвятил России, осмелюсь сказать, с неустанным усердием. Справедливо то, что лишь в течение восемнадцати из них я служу непосредственно императорской Короне, но зато в трех государственных учреждениях одновременно²⁹.

Таким образом, Будри просит назначения пенсии, которая могла бы остаться его двум дочерям в случае его смерти. 16 июля директор Благородного пансиона попросил Комитет министров ходатайствовать перед Ее Императорским Величеством о назначении Будри пенсии, соответствующей половине его жалования, получаемого в двух учреждениях: Лицее и относящемся к нему Пансионе. К ходатайству был приложен послужной список. В приложении к «Журналу собраний Комитета министров» (n° 1228) указано, что 19 июля 1821 г. этот вопрос обсуждался. 7 октября 1821 г. на Собрании преподавателей Лицея рассматривался выход Будри на пенсию по причине здоровья, а также назначение ему содержания. В конце того же собрания было объявлено о его смерти³⁰.

Согласно сохранившимся воспоминаниям, похороны Давида были весьма трогательным зрелищем. Некоторые молодые люди, получившие образование в Лицее и сохранившие к своему старому преподавателю чувства уважения и благодарности, захотели попрощаться с ним и несли его гроб от церкви до самого кладбища. С ними был и директор Лицея Е.А. Энгельгардт³¹.

²⁹ Письмо Д. де Будри от 11 июня 1821 г. (на французском языке) – ЦГИА, Санкт-Петербург, Ф.2. Оп. 1. Д. 1374. Полностью опубликовано в кн.: *Marat en famille*. P. 105-109.

³⁰ Дочери Давида получили право на пенсию. 24 июня 1822 г. Мария де Будри подала прошение о том, чтобы пенсия выплачивалась ей через преподавателя французской литературы по фамилии Флери, которого сам Давид рекомендовал себе на замену. Аналогичное прошение было сделано также о выплате пенсии для Олимпиады. РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 519. Д. 6. 1822. Ходатайства о пенсиях Марии и Олимпиады де Будри. Мария де Будри пожелала представить императору свою живописную работу с видом Царского Села, за что была пожалована ценным кольцом от императора. ЦГИА, Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3474. Собственноручный ответ князя Волконского от 14 марта 1823 г. Марии де Будри.

³¹ Некролог // Благонамеренный.

Долг педагога по Давиду де Будри

Русская литература XIX в. содержит немало сатирических образов иностранных воспитателей, которых нанимали учить детей, не слишком заботясь о компетенции, лишь бы говорили по-французски. Этот образ не имеет никакого отношения к Давиду де Будри. И если в некоторых воспоминаниях современников о нем присутствует легкая ирония, вызванная его необычной походкой, манерой одеваться и носить парик, то все равно такие воспоминания проникнуты искренним чувством симпатии к этому человеку. Нет ни одного отрицательного мнения относительно значимости его педагогического вклада.

Пушкин очень ценил Будри, говоря, что это был человек большого вкуса. Многие ученики оставили воспоминания о нем как о яркой личности, обладавшей талантом преподавателя. Ф.Я. Миркович признавал, что обязан Будри знанием французского языка и тем, что тот открыл ему древнюю и современную литературу. Вспоминал он и занятия с Будри историей и географией, подчеркивая способность воспитателя ценить успехи учеников и восхищаться ими. М.А. Корф (1800–1876), в будущем граф и директор Императорской публичной библиотеки, неоднократно подчеркивал в высшей степени практичный ум Будри, который напрямую и постоянно воздействовал на самое важное качество ученика – умение правильно мыслить.

В Лицее Будри преподавал орфографию, грамматику, синтаксис и французскую литературу. Ученики отмечали стиль работы, которую они выполняли под его руководством, его постоянное стремление поставить их «в определенную ситуацию». Будри считал, что опыт и, следовательно, способность оценить значение такой ситуации, а иногда и ее отрицательный характер являются основой прочного самостоятельного подхода в занятиях. В замкнутой атмосфере Лицея, где повседневная жизнь имела свои сложности, Будри выступал для учеников в некотором роде в роли отца, столь же требовательного, сколь и благожелательного. Этот пожилой человек с молодым сердцем выглядел мудрецом. Он обсуждал с учениками великие события как факты обыденной жизни, высказывал свое мнение о Бонапарте как «свободоубийце», о войне как о «бедствии», о предрассудках, «которые необходимо преодолеть». Он предостерегал их от пагубных влияний, венерических болезней и напоминал, что его брат Жан-Поль так же поступал с ним, когда Давид был подростком.

Помимо широкого спектра предметов, которые Будри преподавал, современники неизменно отмечали то значение, которое он придавал философской и педагогической теории. Вспоминая о его профес-

сиональной этике, преданности делу и усидчивости, ученики в один голос заявляли, что он научил их ясно и точно выражать мысли. Этому же служили организованные им упражнения по декламации и даже постановка настоящих театральных пьес в Лицее.

Все его ученики отмечали глубокую доброжелательность («мягкость», «добродушие», «восхищение нашими успехами»), истинное удовольствие, которое он получал от преподавания («бодрый», «живой старичок»), и способность вести доброжелательную полемику. Де Будри не скрывал своих убеждений, своих мнений, что делало его доступным и что объясняет «почтительную симпатию», которая его сопровождала («любовь», «уважение», «чувство благодарности»).

В одном отрывке из дневника Александра Куницына описывается та философская направленность, которую Будри придавал своей педагогике. Куницын рассказал ему о том, что готовился к публичному выступлению. Давид тут же справился о философской морали, на которой тот собирался основываться, поскольку было похоже, что молодой человек не обращался к религии. Куницын ответил, что, на его взгляд, религия не дает ответа на вопросы о человеческих страстях, о разуме или об общественном договоре, которые были темами его выступления. Будри сказал ему тогда, что необходимо быть более тонким, и спросил, не слишком ли концепция Куницына близка взглядам одного из его коллег, преподававших математику, а именно Шарля-Жильбера Ромма, воспитателя молодого графа Павла Строганова. Согласно его точке зрения, развитие человека очень похоже на эволюцию какой-нибудь бабочки: годы юности особенно опасны из-за бездействия и недостатка жизненного опыта, как у куколки. Но особо трудно, считал Будри, – дать шанс куколке стать бабочкой. И в этом была вся задача образования. Вот для этого и нужна философия.

Несклонный к «системам», объясняющим все простым детерминизмом, Будри был всегда в поисках истинного, основного. Однако он оставлял место и случаю, неизбежным изменениям ситуации. Он настаивал для качественной оценки ситуаций на необходимости сознательно определиться с тем, что приемлемо и что неприемлемо.

Сардинские и французские корни, наследие отца, опыт, приобретенный в Швейцарии, а затем в России, делали Давида де Будри интересной фигурой с точки зрения его педагогического потенциала. Открывая для себя судьбу этого человека сначала как воспитателя, а затем преподавателя престижных учебных заведений России, проникаешь одновременно в суть феномена гувернерства, который предшествовал формированию государственной системы образования.